

На правах рукописи

Куликовская Екатерина Николаевна

**СЕМАНТИКА ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В
РУССКИХ ЗАГОВОРАХ**

Специальность 10.02.01 — Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Санкт-Петербург
2022**

Работа выполнена на кафедре русского языка и филологического образования ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

- Научный руководитель:** **Ягодкина Марьяна Валериевна**
доктор филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
рекламы и общественных
коммуникаций ГАОУ ВО ЛО
«Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина»
- Официальные оппоненты:** **Садова Татьяна Семеновна,**
доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский
язык), профессор кафедры русского
языка ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный
университет»;
Иванова Александра Павловна,
кандидат филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский
язык), доцент кафедры русского
языка как иностранного и методики
его преподавания ФГБОУ ВО
«РГПУ им. А.И.Герцена»
- Ведущая организация:** **ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Томский
государственный университет»**

Защита состоится «20» мая 2022 г. в 11.00 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Д 212.168.09 в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» по адресу: 173014, Великий Новгород, Антоново, ауд. 1209.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого <http://www.novsu.ru>, с авторефератом – на сайте <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2022 года.

Учёный секретарь диссертационного совета,

кандидат филологических наук, доцент

В.И. Макаров

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена исследованию семантики перформативных глаголов в текстах русских заговоров. В настоящее время присутствует необходимость в анализе различных перформативных текстов, а также в специальных исследованиях заговора с точки зрения перформативности в структурном, лингвистическом, прагматическом, сравнительном и других возможных аспектах. Подход к заговору как к перформативу существенно обогащает, с одной стороны, теорию перформатива, с другой – исследования заговоров с точки зрения семантики и прагматики использующихся в них языковых средств.

Актуальность работы обусловлена существующим в современной русистике запросом на всестороннее исследование русских перформативов и перформативной лексики. Несмотря на то, что перформативность как категория достаточно хорошо изучена с разных точек зрения, интерес к ней продолжает сохраняться. Во-первых, непрерывно возникают и широко распространяются новые виды коммуникации, в которых актуализирована перформативная функция: политическая интернет-коммуникация, тексты блогосферы, новейшие жанры рекламных текстов, мемы и другие. Во-вторых, в связи с широким распространением социальных сетей фольклорный и магический перформативный дискурс выходит за пределы породившей его среды, становясь частью современного, в том числе российского, медиапространства, где соответствующие тексты активно функционируют. Теория перформатива может предоставить качественный методологический инструментарий для научного осмысления упомянутых коммуникационных форматов, и поэтому нуждается в дальнейшем развитии. В-третьих, некоторые важнейшие аспекты перформатива до сих пор затрагивались лишь косвенно, в рамках работ на другие темы, а исследовательские замечания по поводу необходимости изучения данных аспектов остаются без реализации: таковы замечания о необходимости словарного описания перформативных глаголов, вопрос о различии между перформативами и квазиперформативами, исследование перформатива с точки зрения речевого воздействия и так далее. Внутри перформативных исследований ощущается отсутствие единой методологии и структуризации знания, а также использования единой терминологии. В-четвёртых, существует большое количество практически неисследованного языкового материала, изучение которого в русле перформативных исследований могло бы существенно обогатить, с одной стороны, само представление о типологии и функционировании перформативов, с другой стороны, углубить лингвистическую интерпретацию данного материала.

Один из видов подобного материала представляет собой заговорно-заклинательный текст, прагматическая функция которого заключается в прямом воздействии на объекты реального мира с использованием магической функции языка. Тексты заговоров вызывают особый интерес, поскольку они полностью соответствуют критериям перформатива:

представление о магической функции языка нередко рассматривается как причина появления в языке перформативных высказываний.

Методологическая основа диссертации включает зарубежные и российские исследования в области теории речевых актов и речевой коммуникации, труды по общей семантике и семантике русского языка, лексикологические работы, а также опыты лингвистического анализа заговорных текстов.

1. С точки зрения теории перформативного высказывания в качестве методологической основы используются труды следующих авторов: Дж. Остин, Дж. Серль, Д. Вандверкен, З. Вендлер, П. Ф. Стросон, Дж. Ф. Аллен, Р. Перро, Н. Д. Арутюнова, Г. Г. Кларк, В.М. Аврасин, Д. Гордон, Дж. Лакофф, Г. Хельбиг, В. Fraser, А. А. Романов, Л. А. Романова, В. В. Богданов, Е. С. Петелина, Й. Крекич, А. Вежбицка, А. И. Изотов, Г. Г. Почепцов, Дж. Катц, Ю. П. Князев, Н. Naverkate, D. Stampe, G. Leech, Ю. Хабермас, И. М. Кобозева, Л. А. Демина и др.

2. При рассмотрении перформативного глагола как лексической единицы за основу берутся работы Э. Кошмидера, Ю. Д. Апресяна, Э. Бенвениста, Д. Войводича, В. С. Истомина, С. В. Кодзасова, Е. А. Красиной, М. Ю. Михеева, Г. И. Кустовой, Е. В. Падучевой, Д. О. Добровольского, В. В. Богданова, Дж. О. Урмсона, Ю. П. Князева, Р. Amrhein. Семантико-лексикологической теоретической базой послужили работы А. Вежбицкой, Ч. Филлмора, Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, В.П. Абрамова, Ю. Д. Апресяна, А.В. Бондарко, Л. Л. Буланина, О. П. Ждановой, Н. В. Цветкова, Л. М. Васильева, М. Гиро-Вебер, Е. А. Дадуевой, С. Д. Кацнельсона, А. А. Уфимцевой, Ф. П. Филина, И. А. Стернина, Д. Н. Шмелева.

3. Заговорные тексты анализируются в русле отечественной традиции изучения фольклора, оберегов, магического дискурса, в соответствии с подходами В. Н. Топорова, С. Б. Адоньевой, Е. Н. Левкиевской, С. И. Неклюдова, О. М. Христофоровой, Т. А. Агапкиной, А. Л. Топоркова, Н. И. Коноваловой и др.

Целью настоящей работы является всестороннее описание перформативных глаголов, использующихся в русских заговорах. Данная цель обусловила следующие **задачи**:

1) рассмотреть существующие методологические подходы к исследованию перформативных высказываний как речевых актов, перформативных глаголов как лексических единиц, а также подходы к изучению заговорно-заклинательных текстов фольклора;

2) проанализировать семантику и функционирование канонических перформативных глаголов, использующихся в заговорах;

3) выявить в заговорах и описать иные лексические единицы, структурно схожие с каноническими перформативными глаголами;

4) обосновать и построить классификацию перформативных глаголов на материале русских заговоров;

5) охарактеризовать функции перформативных глаголов в структуре заговора как перформативного текста.

Объектом исследования являются перформативы и перформативные глаголы в текстах русских заговоров. Под перформативом понимается высказывание, эквивалентное поступку. Под перформативным глаголом понимается глагол, выражающий цель перформативного речевого акта (*приказываю, обещаю, возражаю, нарекаю*), как правило, в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. **Предметом** исследования являются семантические особенности, приобретаемые перформативными глаголами в заговорах, лексико-семантические группы заговорных перформативных глаголов, место перформативных глаголов в композиционной структуре заговорного текста, а также критерии и типология иных перформативных единиц, отличных от канонических перформативных глаголов, в составе заговоров.

Новизна результатов проведённого исследования заключается в выборе перформативных глаголов в заговорах в качестве материала для анализа; в комплексном подходе к исследованию перформативных глаголов в русских заговорах с позиции семантики, лингвопрагматики, фольклористики, теории речевых актов; в разработке и обосновании критериев выявления полуперформативных глаголов в русских заговорах; в построении типологии перформативных глаголов в русских заговорах; в выявлении места и роли глагольной перформативной формы в структуре заговора; в составлении словарных описаний для русских заговорных перформативных глаголов. В исследовании установлены связи между существующими концепциями перформативного глагола и перформативностью заговорного текста, что углубляет и расширяет интерпретацию заговора как перформатива; результаты могут найти широкое применение в лексикографии русского языка. Разработаны методологические основы исследования на базе классических и современных научных работ в области семантики русского языка, теории речевых актов, лингвопрагматики, языка фольклора; описаны теоретические основания исследования, определён его терминологический аппарат; раскрыто содержание понятий «перформатив», «перформативный глагол», «полуперформативный глагол», «квазиперформативный глагол»; описаны различные исследовательские подходы к интерпретации данных понятий; произведён отбор перформативных лексических единиц, использующихся в текстах заговоров; установлены и обоснованы критерии для выявления в заговорах иных перформативных единиц — полуперформативных глаголов; обоснована и построена классификация заговорных перформативных глаголов; предложены словарные описания для заговорных перформативных и полуперформативных глаголов; на основе полученных результатов разработана концепция электронного словаря перформативных глаголов в русских заговорах.

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом, с одной стороны, в исследование перформативных глаголов, с другой стороны,

в традицию анализа заговорных текстов за счёт выявления лингвистического основания для возможной последующей классификации заговоров на основе типа иллокутивного акта, эксплицированного перформативным глаголом.

Практическая значимость исследования подтверждается тем, что полученные результаты могут найти применение в разработке и составления словаря русских перформативных глаголов; составлении справочников и учебных пособий по семантике и прагматике русского языка; преподавании лексикологии и прагматики русского языка на филологических факультетах высших учебных заведений. Соискателем разработан, создан и запатентован электронный словарь перформативных глаголов в русских заговорах (патент № 2021666236).

Материалом послужили перформативные глаголы и иные перформативные единицы, выделенные нами в процессе анализа заговорных текстов. Методом сплошной выборки были отобраны 645 глагольных словоупотреблений в эксплицитной перформативной форме. Количество слов в указанной форме составило 227 единиц. Из них, с использованием установленных критериев, 209 единиц обозначены как перформативные и полуперформативные глаголы. Дополнительно, в качестве материала для сравнения, методом частичной выборки было отобрано и описано 674 квазиперформативных и квазиполуперформативных словоупотреблений (178 слов). Общее количество рассмотренных единиц составило 1319 словоупотреблений и 387 слов.

В связи со спецификой объекта исследования (глаголы в перформативном ритуально-магическом употреблении), основным критерием выбора материала стала возможность рассмотрения разнообразных перформативных прагматических контекстов. Было рассмотрено 2484 заговора с разнообразными тематиками (промысел, отношения с природой, земледелие, огородничество, вредители, скотоводство, военное дело, здоровье, магические нападения, любовь и брак, деторождение, социальные отношения, опасность и защита, дом и двор, спорт, поиск кладов и другие).

В представленном исследовании анализируются тексты, записанные в следующих регионах: Русский север, среднюю полосу, Сибирь и Дальний Восток. Были рассмотрены вологодские заговоры (Бассейн реки Сухоны, Белозерский край, бассейн реки Шексны, Кадуйский район, Сямженский, Череповецкий и Верховажский районы); заговоры Архангельской области (Каргопольский, Плесецкий и Онежский районы, Пинежский район, бассейн Северной Двины, Мезенский, Лешуконский, Шенкурский районы), заговоры Новгородской области (Старорусский, Новгородский, Крестецкий, Боровичский, Валдайский, Хвойнинский, Батецкий, Маревский, Демянский, Окуловский, Мошенский, Маловишерский, Пестовский районы); а также олонечские, московские, тверские, орловские, курские, владимирские, нижегородские, воронежские, саратовские, вятские, калужские, тульские, пензенские, симбирские (ульяновские), енисейские (красноярские),

ярославские, тамбовские, астраханские, донские, пермские, уральские, южносибирские, томские, забайкальские, тюменские и другие заговоры практически всех районов Сибири.

С целью исследовать разнообразные заговоры, в которых используются перформативные глаголы, хронологический период был взят также достаточно широкий: заговоры XVII-XIX столетий, записи второй половины XX века и современные записи.

Вышеизложенные факты обусловили выбор печатных источников: было предпринято обращение к сборникам, носящим компиляционный характер, обобщающим результаты исследований предшественников. Были использованы следующие издания: материалы Фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета и архива Пропповского центра, в 2020 году обобщённые в сборнике «Магические практики севернорусских деревень» (2 тома); сборник «Календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока», в который включены тексты из различных изданий Императорского русского Географического общества, из периодики старой Сибири, сибирские заговоры из библиотек и архивов страны (АГО, Пушкинский дом, ГАИО, ЦГА Республики Бурятия, РО БФ СО РАН), в архивах вузов Сибири, тексты из других сборников сибирских собирателей; сборник «Магия слова. Заговор», составленный по материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета; классический сборник Л. Н. Майкова, обобщивший публикации XIX века.

В качестве **гипотезы** выдвигается следующее предположение: с одной стороны, изучение перформативных глаголов в составе заговоров позволяет исследовать заговоры с речеактовой точки зрения за счёт экспликации каноническим перформативным глаголом иллокутивной силы речевого акта; с другой стороны, заговоры содержат богатый лингвистический материал, который может серьёзно расширить представление о русских перформативных глаголах.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Глагол является важнейшим средством выражения категории перформативности в текстах русских заговоров; особый интерес представляют эксплицитные формы.

2. В заговорах перформативные глаголы в эксплицитной форме приобретают особые семантические, синтаксические и прагматические характеристики.

3. В заговорах выделяются канонические, квазиперформативные, полуперформативные и квазиполуперформативные глаголы. Существуют три критерия, на которых основана данная классификация: каузативность, иллокутивные характеристики и адресованность.

4. Семантикой перформативного глагола во многом обусловлена его конструктивная позиция в тексте заговора.

5. Перформативность заговора представляет собой лексико- и функционально-семантическую полевую структуру, в оформлении которой

задействованы коммуникативный, семантический и грамматический критерии.

Апробация работы включает в себя обсуждения результатов настоящего исследования на международных конференциях, публикации в узкоспециализированных изданиях, посвящённых русистике, актуальным вопросам филологии и лингвистики, а также в изданиях более широкого профиля, посвящённых филологии, культуре и коммуникации.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и четырёх приложений. **Объём** диссертации: 248 стр. **Количество источников:** 288 научных трудов.

Основное содержание работы

Во **введении** охарактеризованы степень научной проработанности темы, актуальность и новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначены объект и предмет, сформулированы цель и задачи исследования, а также описаны методы и материал, высказана гипотеза и представлены положения, выносимые на защиту. Кроме того, введение включает информацию об апробации и структуре работы.

В **первой главе** «Методологическая основа исследования феномена перформативности», состоящей из одиннадцати параграфов, производится характеристика категории перформативности, даётся обзор методологических подходов к её исследованию и теоретических источников.

В **первом параграфе** анализируются предпосылки возникновения понятия «перформатив», кратко охарактеризована философско-методологическая парадигма, в рамках которой произошло становление перформативных исследований.

Во **втором параграфе** рассматривается лингвокоммуникативный аспект перформатива. Перформативное высказывание, исследуемое теорией речевых актов, имеет ряд особенностей, отличающих его от констатива. Под перформативом понимается высказывание, эквивалентное поступку. Для перформатива в теории речевых актов ключевыми являются параметры интенциональности и конвенциональности. Интенциональность является многоаспектной категорией, в качестве основных аспектов которой мы назвали: 1) глобальную интенцию как направленность субъективных мыслей и переживаний на реальный мир и 2) коммуникативное намерение как конкретную цель высказывания, отражающую мысли и чувства говорящего. Конвенциональность подразумевает обусловленность результата высказывания обстоятельствами перформации: одно и то же высказывание, произнесённое в разных обстоятельствах, может как являться, так и не являться перформативом.

В данном параграфе нами также рассмотрены вопросы разграничения перформатива и констатива, перформатива и иллокутивного акта, а также проблема перлокутивного эффекта перформативного высказывания.

В **третьем параграфе** рассматриваются перформативные глаголы как лексические единицы. В качестве перформативов чаще всего исследуются глаголы в форме первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога. Семантика перформативных глаголов связана в первую очередь с речевым (*обещаю, нарекаю, клянусь, прошу*), а также социально-институциональным (*завещаю, посвящаю*) действием. Ни один из обозначенных критериев не является определяющим: с одной стороны, перформативное высказывание может не обладать указанными семантическими и грамматическими параметрами, с другой стороны, этих параметров недостаточно для функционирования высказывания в качестве перформатива. Тем не менее, перформативные высказывания, содержащие глагол с вышеописанной семантикой, употреблённый в первом лице единственного числа настоящего времени индикатива активного залога (или варианты в пассивном залоге во втором и третьем лицах), считаются «нормальными», в то время как остальные формы получают наименование «квазиперформативы» или «полуперформативы». В связи с этим мы особо остановились на проблеме значимости так называемой «канонической», или «эксплицитной», формы. Глагол речевого (социального) действия, называемый иллокутивный акт, обладает свойством экспликации иллокутивной направленности данного акта, выражая коммуникативное намерение говорящего, и за счёт этого становится ядром перформативного высказывания. Грамматическая форма первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога на грамматическом уровне передаёт перформативное значение, в то время как остальные формы глагола (или неглагольные эквиваленты) являются лишь дериватами, заменителями эксплицитного перформативного глагола. В эксплицитной форме на уровне грамматического значения выражены следующие признаки категории перформативности:

1) «Слово как действие» реализуется глаголом — частью речи, значением которой является именно значение действия.

2) Действие осуществляется в момент речи, что отражено в настоящем времени глагола.

3) Поскольку действие осуществляется при помощи слова, субъектом действия может быть только говорящий, что отражено в первом лице индикатива глагола.

4) Даже в случае ритуальных перформативных актов, каждый конкретный перформативный акт единичен, уникален и неповторим, что отражено в единственном числе глагола.

Исходя из рассмотренных теоретических источников, можно констатировать наличие двух основных традиций исследования перформатива: согласно одной традиции, перформативность изучается как свойство коммуникации, в то время как согласно другой, перформативность является семантическим компонентом некоторых глаголов. Данные традиции

существуют одновременно, иногда в рамках трудов одного исследователя (Э. Кошмидер, Дж. Остин, Дж. Сёрль, Э. Бенвенист). Можно сказать, что в противопоставлении «перформативное высказывание — перформативный глагол» проявляется дихотомия языка и речи: перформатив исследуется одновременно и как единица языка, лексема, и как единица коммуникации.

Для раскрытия понятия перформативного высказывания, в **четвёртом, пятом и шестом параграфах** перформатив кратко описан в социокоммуникативном аспекте, а также в аспекте семиотики культуры и соотношения перформатив-перформанс. Было установлено, что перформативность представляет собой свойство социальной практики и одновременно культурный феномен, истоки которого находятся за пределами языка как объекта лингвистического описания.

Невозможно не отметить, что в последние годы перформативность зачастую анализируется как явление, характерное не только для глагола или для высказывания, но и для дискурса (Е. Н. Горбачева, В. И. Тюпа). В **седьмом параграфе** мы рассматриваем характеристики перформативного дискурса, отмечая, что корни данного типа дискурса находятся в магическом заклинании. Заговор действительно хорошо поддается описанию как перформативная жанровая форма, существующая в рамках магического дискурса (И. Н. Борисова). Заговор отличается субъектностью, ответственностью заговаривающего, целенаправленностью. Иллокутивная сила заговорного жанра выражается эксплицитной или имплицитной перформативной формулой «Я заговариваю, чтобы...».

Тем не менее, отметив существование дискурсологической и речезанровой интерпретации заговора, в дальнейшем, во избежание терминологического и методологического смешения, мы анализируем заговор (как целостный перформативный акт) преимущественно с точки зрения теории речевых актов, что обусловлено традицией изучения перформативного глагола как ядра соответствующего речевого акта.

Восьмой параграф посвящён основным теоретическим подходам в изучении заговора. Установлено, что перформативные черты заговора отмечались задолго до вхождения в научный дискурс понятия «перформатив» (Е. Н. Елеонская, А. А. Потебня, Н. Ф. Познанский и др.). О перформативности заговора, упоминая, но не анализируя данное понятие, писал В. Н. Топоров. Выделяются два магистральных направления в рассмотрении перформативности заговора: первый подход можно назвать номинативным (способность заговора воздействовать на природу обусловлена использованием в заговоре приёма сопоставления с мифологическими событиями, которое достигается путём называния священных имён), второй подход можно назвать акциональным, или перформативным (заговорная формула, даже будучи сокращённой до «заклинаю тебя», остаётся перформативом, а глагол играет самую важную роль).

Прежде чем перейти к рассмотрению заговора в русле теории речевых актов, мы кратко охарактеризовали соотношение перформативности заговора и фидеистических представлений о языке. Прагматике заговора с точки зрения современной фольклористики посвящён **девятый параграф**. В **десятом параграфе** описывается применение методологии теории речевых актов к анализу заговоров. Методы изучения перформативности, найденные в рамках теории речевых актов при анализе разговорной речи, юридического и повседневно-бытового дискурса, хорошо применимы к исследованию заговоров, в частности, русских. К заговорам, так же, как и иным видам речевых актов, применим подход теории речевых актов, основанный на интенциональности и конвенциональности речи. Правильность выполнения обряда и соответствие лица, совершающего обряд, требованиям, предъявляемым сообществом к данному лицу, являются «условиями успешности» заговора. Цели заговора разнообразны и являются основой типологии заговорных речевых актов. К речеактовой интерпретации заговора примыкает исследование суггестивных текстов в аспекте речевого воздействия, чему посвящён **одиннадцатый параграф**.

Применение рассмотренных в первой главе методов исследования перформативности к анализу заговоров позволило выявить следующие закономерности:

1) С точки зрения лингвистической перформативности, должны быть изучены те языковые средства, в которых проявляется фидеистическое понимание заговора как слова, при помощи которого можно совершать действия, имеющие некаузальные последствия.

2) С точки зрения культурологической перформативности, должны быть изучены те тексты и иные памятники (см. статью о перформативных объектах), которые традиция наделяет перформативными свойствами. Культурологическая интерпретация не может ограничиваться анализом текстов: необходимо исследовать условия их существования, время, место хранения, условия использования.

3) С точки зрения социологической (социокоммуникативной) перформативности, должен быть изучен ритуал как перформативная практика, имеющая последствия в виде изменения социальной реальности.

4) С точки зрения коммуникативного воздействия, должны быть изучены вербальные и невербальные средства, при помощи которых в ходе ритуальной коммуникации осуществляется изменение коммуникативных и когнитивных установок участников ритуала.

В рамках настоящей работы основное внимание уделяется лингвистической перформативности заговора и важнейшему способу её реализации — заговорному перформативному глаголу.

Во **второй главе** анализируются перформативные глаголы, отобранные из текстов русских заговоров. Глава состоит из пяти параграфов, разбитых на подпараграфы в соответствии с нашей классификацией заговорных перформативов.

Первый параграф посвящён каноническим перформативным глаголам, употреблённым в эксплицитной форме первого лица единственного числа настоящего времени индикатива активного залога. Несмотря на несводимость перформативности к каноническим глагольным формам, именно анализ данных форм представляется методологически убедительным первым шагом к полному описанию заговорных перформативов.

Заговорная эксплицитная перформативность представляет собой сложное и неоднородное явление. Она выражается глаголами, в состав которых явным или неявным образом входит сема «говорить/сказать», употреблёнными в форме первого лица единственного числа настоящего времени индикатива активного залога. Однако лексико-семантические группы, в которые входят данные глаголы, различны. Наиболее общая классификация заговорных эксплицитных перформативов основывается нами на оппозиции сем «речевое действие» / «речевое воздействие» и соответствует подразделению перформативных глаголов на иллокутивные и перлокутивные. Данная классификация выглядит следующим образом (здесь и далее в скобках приведены примеры словоупотреблений глаголов):

1. Глаголы речевого воздействия.

1.1. Глаголы с семантикой обращения.

1.1.1. Глаголы просьбы (*прошу, молю, молюсь/молюся/молю ти ся, прибегаю, жалуясь*).

1.1.2. Глаголы приказа (*приказываю*).

1.2. Глаголы с семантикой призыва (*призываю, вызываю, выкликаю, поминаю*).

2. Глаголы речевого действия.

2.1. Глаголы со значением социального взаимодействия.

2.1.1. Глаголы инклюзии (*отдаю (себя), предаюсь, кланяюсь/поклоняюсь, корюсь/корюся*).

2.1.2. Глаголы эксклюзии (*отрекаюсь, отлучаю*).

2.2. Глаголы со значением ритуально-магической речи (*говорю, заговариваю, уговариваю, отговариваю, приговариваю, наговариваю, выговариваю, заклинаю*).

3. Глаголы с иной семантикой (*запрещаю, благодарю, славлю, напоминаю*).

Помимо выявления общих закономерностей, было сделано несколько частных замечаний, касающихся семантики глаголов, соответствующих критериям канонического (эксплицитного) перформатива, но не описывавшихся в научной литературе ранее. Таковы словоупотребления (в соответствующих значениях) глаголов *молюсь/молюся/молю ти ся, прибегаю, жалуясь, отдаю (себя), предаюсь, поклоняюсь, корюсь/корюся*. Глаголы *призываю* и *заклинаю*, в отличие от других речевых ситуаций, употребляются в значении эвокативного и заклинательного магического акта.

Описание семантики и контекста этих глаголов в заговорах позволяет пополнить фонд русских перформативных глаголов.

В то же время в заговорах широко распространены тривиальные перформативные глаголы, такие как *прошу*, *молю*, *приказываю*, *отрекаюсь*, *отлучаю*. Однако в заговорах и они приобретают некоторые семантико-прагматические оттенки, характерные только для магического дискурса. Так, оппозиция просьбы и приказа в заговорах связана не с социальным статусом коммуникантов, а с принадлежностью адресата к благим или вредоносным силам. См., например:

(1) *Молю* тебя и *прошу* тебя, Иисуса Христа, Запрестольную Богородицу, Пречистую Богоматерь, Утолите и утушите сего раба Божьего (имярек) скорбные болезни: порчи, уроки, ветрены переломы, шипоты, ломоты — святым своим духом, святым посвящением, святою моею молитвою.

(2) (к змее) Я тебе *приказываю*: — Иди, приведи мне мать с отцом, братьев и сестер и всех детей!

Акт отречения может быть направлен как благим, так и вредоносным адресатам, в то время как акт отлучения адресован только злым силам (болезням, представленным в антропоморфном образе).

Особый интерес представляют глаголы *говорю*, *заговариваю*, *уговариваю*, *отговариваю*, *приговариваю*, *наговариваю*, *выговариваю*. Согласно перформативной гипотезе Росса, любое высказывание в глубинной структуре содержит перформатив *говорю* – *говорю, что*. В семантическом словаре глагол говорить имеет 2 значения: «собственно воспроизведение голосом звуков речи» и «выражение говорящим мысли». *Говорю, что* – подпадает под вторую категорию. Заговоры предоставляют нам примеры актуализации первого значения:

(1) *Говорю* я азъ, рабъ Божій (имя рекъ), тридесять словъ, тридесять стиховъ и тридесять молитвъ.

Однако присутствуют и примеры употреблений этого слова в нетривиальном значении «ритуально-магическая речь», «каузация действия посредством слова»:

(2) Не я *говорю*, не я *выговариваю*; *выговаривая*, *отговаривая* сама Божья матушка, Пресвятая Богородица, со всѣмъ своимъ соборомъ, съ Миколаемъ Угодникомъ, великимъ помощникомъ, и съ небеснымъ воеводою.

Глаголы *заговариваю*, *уговариваю*, *отговариваю*, *приговариваю*, *наговариваю*, *выговариваю* употребляются как синонимы слова *говорю* в данном значении (следует отметить, что приставочное словообразование в рассмотренных заговорах не всегда соответствует значению приставки).

Во **втором параграфе** ставится вопрос о неперформативных глаголах в составе заговора. По причинам, указанным выше, мы приняли решение вначале рассмотреть глаголы в форме первого лица единственного числа настоящего времени индикатива активного залога. Указанные глаголы

эксплицируют ритуально-магические акты, совершаемые в заговорах при помощи речи, однако в своей семантической структуре сему «речь» не содержат.

Была решена важная методологическая задача установления и обоснования критериев выделения данных глаголов в качестве перформативов. Для различения неперформативных глаголов в составе заговора и описанных выше канонических эксплицитных перформативов был использован термин «полуперформатив». С целью отличить полуперформативы от перформативов и от прочих глаголов в составе заговоров, были введены следующие критерии:

- 1) Каузативность.
- 2) Иллокутивные характеристики.
- 3) Адресованность.

Основным семантическим признакам **каузативности** является признак «побуждать к изменению состояния, действия, качества». Исследователи неоднократно сближали перформативность и каузативность (С. В. Шустова, Е. В. Корди). Общеизвестные перформативные глаголы представляют собой глаголы речевой каузации, приобретающие или не приобретающие перформативное значение в актуальном моменте речи. Заговор как перформативный текст, использующийся в перформативном акте, предоставляет нам возможность расширить представление о перформативных каузативах, включив в их число глаголы неречевой семантики.

Классификацию этих глаголов можно представить следующим образом:

1. Глаголы действия.
 - 1.1. Глаголы физического изменения.
 - 1.1.1. Очищение (*парю, умываюсь, утираюсь*).
 - 1.1.2. Обработка и рытьё (*прирываю, зарываю*).
 - 1.1.3. Расчёсывание (*чапаю/чепаяю*).
 - 1.1.4. Завязывание (*завязываю, перевязываю*).
 - 1.1.5. Глаголы повреждения и разрушения.
 - 1.1.5.1. Без инструмента.
 - 1.1.5.1.1. Создание надлома (*ломаю, заламываю*).
 - 1.1.5.2. При помощи инструмента.
 - 1.1.5.2.1. Части тела.
 - 1.1.5.2.1.1. Ноги (*топчу, вытаптываю*).
 - 1.1.5.2.1.2. Зубы (*грызу*).
 - 1.1.5.2.1.3. Ногти (*царапаю*).
 - 1.1.5.2.2. Оружие (*состреливаю, стрелю*).
 - 1.1.5.2.3. Острый предмет.
 - 1.1.5.2.3.1. Протыкание (*колю, порю, втыкаю, калываю, прикалываю, закалываю*).
 - 1.1.5.2.3.2. Разделение на части (*рублю, перерубаю, секу*).

- 1.1.5.2.3.3. Отделение части от целого (*отсекаю, подрезаю*).
- 1.2. Глаголы изменения качественного состояния.
 - 1.2.1. Охлаждение.
 - 1.3. Глаголы перемещения, движения.
 - 1.3.1. Направленное перемещение.
 - 1.3.1.1. Струёй воздуха (*сдуваю*).
 - 1.3.1.2. Иным способом (*выгоняю, гоню, высылаю, погоняю, выкуриваю, кидаю, черпаю, запускаю*).
 - 1.3.2. Движение (*встаю*).
 - 1.4. Глаголы помещения.
 - 1.4.1. Покрытие.
 - 1.4.1.1. Собственно покрытие (*покрываюся*).
 - 1.4.1.2. Открытие (*отпираю, отмыкаю*).
 - 1.4.1.3. Закрытие (*закрываю*).
 - 1.4.1.4. Одевание (*одеваюся, облакаюся, опоясываюся*).
 - 1.4.2. Собственно помещение.
 - 1.4.2.1. В результате физического действия (*сажу*).
 - 1.4.2.2. Определённым образом.
 - 1.4.2.2.1. Окружение (*окружаю*).
 - 1.4.2.2.2. Создание преграды (*ограждаю, огораживаюся*).
 - 1.4.2.2.3. Закрепление за объектом какого-либо места (*утверждаю, кладу, ложусь*).
 - 1.4.2.2.4. Подвешивание (*вешаю*).
 - 1.5. Физиологическое (*ем, заедаю*).
- 2. Глаголы речи.
 - 2.1. Ритуально-магическая речь (*уговариваю, отговариваю (-сь), приговариваю (-сь, -ся), заговариваю (-сь, -ся), наговариваю, выговариваю, заклинаю, ворожусь*).
 - 2.2. Обращение.
 - 2.2.1. Просьба (*прошу, молю/молюсь, умоляю, жалуюсь, прибегаю*).
 - 2.2.2. Приказ (*приказываю*).
 - 2.2.3. Призыв (*призываю, вызываю, выкликаю, поминаю*).
 - 2.2.4. Запрет (*запрещаю*).
 - 2.2.5. Напоминание (*напоминаю*).
 - 2.2.6. Благодарность (*благодарю*).
 - 2.2.7. Хвала (*славлю*).
 - 3. Глаголы социального взаимодействия.
 - 3.1. Специализированные ритуальные акты (*отпускаю, крещусь, крестюся*).
 - 3.2. Эксклюзия (*отрекаюся, отлучаю, проклинаю*).
 - 3.3. Инклюзия.
 - 3.3.1. Влияние, подчинение (*укрощаю, предаюся, корюся (-ся), отдаю (себя)*).
 - 3.3.2. Внешнее проявление отношения (*кланяюсь, покланяюся (-ся)*).

- 3.4. Обеспечение (*вооружаюся, заряжаю*).
- 3.5. На благо кого-либо.
 - 3.5.1. Защита (*охраняю*).
 - 3.5.2. Помощь (*помогаю, пособляю*).
 - 3.5.3. Лечение (*правлю, унимаю*).
 - 3.5.4. Дарение (*дарю*).
- 4. Глаголы познания (*справляюся*).
- 5. Глаголы отношения/владения (*даю, принимаю, выкупаю*).
- 6. Глаголы созидания.
 - 6.1. Ремесло (*вышиваю*).
 - 6.2. Восстановление (*восстанавливаю*).
 - 6.3. Приготовление пищи.
 - 6.3.1. Жарка (*жарю*).
 - 6.3.2. В печи (*пеку, перепекаю*).
 - 6.3.3. Добавление ингредиентов (*солю*).
 - 6.4. Письмо (*черчу*).

Однако каузативность не является единственным критерием выделения полуперформативных глаголов. Вспомогательным свойством, объединяющим полуперформативные глаголы, является особое отношение между выражаемым ими намерением и интенциональной направленностью заговора. Выявлено, что полуперформативы, как правило, выражают способ достижения основной цели заговора. См., например:

Къ этой травѣ чупрынѣ прихожу и на то я *заламываю*, что она у раба Божія (имя рекъ) изъ руки (или ноги) выгнала притку и ломоту, и всякую болѣзнь, и семдесятъ-три травы всѣ прирываю и цвѣты *приламываю*, и въ чловѣкѣ семдесятъ-три сустава; аминь (из заговора от ломоты).

Существует метафорическая или метонимическая связь между способом достижения цели и тем, как представляется народному сознанию этот способ. В лечебных заговорах чаще всего болезнь антропоморфизируется, затем ей наносится ущерб. Способ нанесения ущерба (в частности, в приведённом примере) зачастую представляет собой обратную лексическую ассоциацию, или буквализацию, той метафоры, которая лежит в основе народного наименования болезни.

В отличие от полуперформативов, перформатив *заговариваю* (и ему подобные) называет основной акт заговора. Перформативные глаголы называют речевые акты в составе заговора, выполняющие подготовительную к основной части обряда функцию.

Следует отметить, что данная закономерность не является строгой: существуют полуперформативные глаголы, также называющие акты подготовки к ритуалу или его завершения (*одеваюся, облакаюся, опоясываюся, заключаю* и пр.), а не способ достижения цели. Тем не менее, выделенный критерий может быть полезен для описания лексико-семантической группы ритуально-магических полуперформативов, представляющих собой прагматически маркированные способы экспликации

иллокутивной креативной цели заговора, передающие её при помощи названия действия, которое, согласно семиотике сакрального, метафорическим, метонимическим или иным путём ведёт к осуществлению замысла говорящего.

Помимо рассмотренных критериев, мы привлекли такой важный для перформативности параметр, как адресованность. Актантная структура эксплицитного перформативного глагола, как правило, предполагает наличие актанта адресата. Адресованность считается неотъемлемым свойством перформативного высказывания (О. А. Россолова, Д. Войводич).

В аспекте адресованности в заговорах также наблюдается различие между перформативными и полуперформативными глаголами. Следует отметить, что, во-первых, заговор перформативен не потому, что он адресован одному или нескольким лицам. Сущность перформативности заговора заключается в реализации в нём магической функции языка, а рассмотренный материал показывает, что обряды очень часто совершаются в одиночестве. Во-вторых, акты с эксплицитными перформативными глаголами адресуются не реальному участнику коммуникации, а какому-либо мифорелигиозному персонажу. В отличие от эксплицитных перформативов, полуперформативы могут быть направлены (и, как правило, так и происходит) не на адресата, а на объект. Например:

Утверждаю поклажу сію на камнѣ Алатырѣ, замокъ отмыкаю въ небѣ, ключь въ морѣ.

Особым статусом обладает перформатив *заговариваю* — он (и ему подобные) может быть направлен как адресату, так и на объект.

Заговорные полуперформативы были выделены на основании их 1) каузативных особенностей, 2) иллокутивных параметров, 3) характера выражения направленности / адресованности. Заговорный полуперформативный глагол представляет собой перформативно употреблённый неперформативный глагол в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.

1. С точки зрения каузативности заговорные полуперформативы противопоставляются периферийным перформативным единицам как глаголы, в семантике которых заложена каузативная ситуация. Термин «заговорные перформативные каузативы» объединяет эксплицитные и полуперформативные заговорные глаголы, которые отличаются друг от друга по параметрам адресованности и интенциональности.

2. С точки зрения иллокутивных характеристик заговорные полуперформативы выражают способ достижения иллокутивной цели всего заговора или типизированной части заговора (такой, как зачин, закреп), в отличие от эксплицитных перформативов, для которых характерно выражение цели отдельного речевого акта.

3. С точки зрения адресованности полуперформативные глаголы отличаются от эксплицитных перформативов как способные быть

направленными не на адресата, а на объект с целью его непосредственного изменения.

Понятие полуперформативности расширяет представление о перформативном глаголе и его семантической специфике. Заговорный материал предоставляет большое количество неэксплицитных глаголов, не обладающих речевой семантикой, однако выражающих действие, совершаемое посредством слова.

В **третьем параграфе** затрагивается понятие квазиперформатива. Отмечается, что в настоящее время между исследователями нет консенсуса по вопросу разграничения понятий «квазиперформатив» и «полуперформатив», а также единого понимания квазиперформативности. Мы предлагаем считать квазиперформативами глаголы, обладающие перформативной семантикой, употреблённые в неэксплицитной форме. В свою очередь, квазиполуперформативы — это глаголы с семантикой полуперформатива, но в формах, отличных от формы первого лица единственного числа настоящего времени индикатива активного залога.

В заговорах квазиперформативные глаголы представлены богатым набором грамматических форм перформативных глаголов. В качестве основных мы выделили встретившиеся нам формы:

1) 1 л. ед. ч. буд. вр. сов. вида (*попрошу, помолю, помолюсь, поклонюсь, наговорю, скажу, отговорю, покучусь и т.д.*);

2) ед. и мн. ч. наст. и прош. вр. (*отговаривают, заповьдает, речет (рекут), говорили, помолился, поклонился*);

3) композитные и псевдокомпозитные конструкции с инфинитивами и иными глагольными формами (*могу отговорить, стану преговаривати, стану отговариваться, хочу получить*).

Система квазиперформативных глаголов во многом дублирует систему перформативных глаголов, однако некоторые квазиперформативы не имеют употребительного перформативного эквивалента.

Для квазиперформативов в заговорах особенно характерны парные сочетания. В рассмотренном материале представлены следующие парные сочетания с сочинительной связью: *подойду + поклонюсь (подойду + наклонюсь), помолюсь + поклонюсь, помолюсь + покорюсь, попрошу + помолю, поклонюсь + помолюсь + извоюсь (-ся), поклонюсь + отступлюсь*.

Квазиполуперформативные глаголы в русских заговорах представлены следующими грамматическими формами:

1) 1 л. ед. ч. буд. вр. (*ударю, подойду, подпояшу, пущу, замкну, буду унимать, буду выгонять, напишу, отдую, запру, укреплю, опушу, изрублю, исщепая, выстружу, расстреляю, положу*);

2) псевдокомпозитная формула с глаголом 1 или 3 л. ед. или мн. ч. и полуперформативом в именной части (*начну наряжаться, грядут избавити, учнут бити, учнут мучить, станет стрелять*);

3) 3 л. ед. ч. наст. вр. (*навезает, поминает, помогает, стреляет, не разгорается, шьёт, вышивает, не сокрушается, не ломит, не шепит,*

обороняет, отлучает (отгоняет), обрывает, общипывает, щиплет, тербит, соблюдает, пошивает, запирает, унимает, прикладывает, мотаает, сучит, не рвётся, не гнётся, не ломается, не распадается);

4) 3 л. мн. ч. наст. вр. (*зарастают, засыпают, заливают, не гребут, не думают, не советуют, волочат, дерут, помогают, обмывают, не поднимаются, не раскрываются, не растворяются);*

5) 3 л. ед. ч. буд. вр. (*проглотит, высохнет, пропадёт, сгорит, посохнет, уймётся, оборвётся, не канет, не ползет, умоётся, утрётся, пойдёт, встанет, выйдет);*

6) 3 л. мн. ч. буд. вр. (*возьмут, выведут, ввергнут, оградят);*

7) 2 л. мн.ч. буд. вр. (*бежим, не приступим);*

8) прош. вр. (*замыкал, взалкалася, взыгралася, вострепыхалася, воскупалася);*

9) сосл. накл. (*бы уродилось, или бы, бежали бы, лезли бы, бы не пятились, бы не ворочались, бы держались, бы колели, бы сохло, исходили бы, потухали бы, вышибало бы, бы потухли, бы поблекли, бы кипела, бы горела, бы сохла);*

10) инф. (*не бывать, не хаживать, не своротить, не осудить, не опризорить, не дневать, не часовать, не отдуться, не загулять, не отпариться);*

11) повел. накл. (*закрой, защити, соблюди, спаси, понеси, затопчи, запри, закрой, сохрани, скрепи, благослови, откачнитесь, подите, поставьте, спустите, отбивайте, отстреливайте, берите, спущайте, отстрелите, отмечите, откалывайте, принесите, оттирайте, дуйте, винтите, распалите, присушите);*

12) целевые придаточные со «чтобы» (*чтоб не жить, не быть, чтоб тоснула, чтоб сохла, чтобы тосковала, чтобы горевала);*

13) конструкции с «бы» и инфинитивом (*бы не баливать, бы не щемливать).*

Исследование заговорной лексической квазиполуперформативности не может быть исчерпано и перечисленными вопросами. Необходимо подробно проанализировать такие конструкции, как, например, «да будет так!», формулы угроз, проклятий, обещаний и клятв. Итогом завершённого всестороннего описания должна стать иерархическая система заговорных перформативных единиц, с рассмотрением формы и функции каждой из них, структурного композиционного элемента, оформляемого ею, иллюкутивной цели и других характеристик данной единицы.

В четвёртом параграфе рассмотрено конструктивное место проанализированных глаголов в составе заговора. Существует некоторая корреляция между семантикой глагола и его конструктивным местом. Эксплицитные перформативы и квазиперформативы обращения чаще всего располагаются перед заговорно-заклинательной формулой, заключая её в рамку просьбы или приказа. Это же верно для этикетных глаголов со значением социального взаимодействия. Эксплицитные перформативы

призыва также располагаются в начальной части заговора, но их конструктивное место — молитвенная часть. Универсальный, наиболее общий перформатив *заговариваю* (или его дериват) может располагаться в любой части заговора. Сделано предположение, что это связано со способностью данного глагола быть синонимом практически любого магического действия, включающего в себя ритуальную речь.

Полуперформативы и квазиполуперформативы располагаются в центральной части заговора, в самой заговорно-заклинательной формуле. Однако существуют семантические группы перформативных глаголов, для которых не менее распространённым конструктивным местом является позиция в зачине или в нарративной части заговора. Это в первую очередь глаголы со значением очищения, одевания, перемещения, движения, открытия, окружения, ограждения. Для заключительной части заговора, соответственно, характерны полуперформативы *закрываю*, *закрываю*: однако в некоторых случаях возможны и глаголы открытия. Начальная и завершающая часть заговора обнаруживают некоторую общность в плане используемых в них глаголов: глаголы со значением защиты, оберега возможны и в финале заговора. Кроме того, защита может быть основной целью заговора, и тогда данные глаголы будут находиться в заговорно-заклинательной формуле.

Несмотря на то, что между глагольной семантикой и положением глагола в композиционной структуре заговора отсутствует строгая зависимость, перформативы и полуперформативы обнаруживают одно постоянное свойство: они всегда называют новый субфрейм (или субфрейм внутри субфрейма), осуществляя новое действие, переводя заговаривающего к следующему шагу. Между субфреймом, вводимым перформативом (полуперформативом), и соседними с ним субфреймами есть значительное семантическое различие: перформативный глагол вводит новую сравнительную формулу или оформляет новый аргумент, призванный убедить сверхъестественную силу в необходимости исполнить просьбу заговаривающего. Это приводит нас к представлению о том, что не только перформативы, но и полуперформативы в заговорах называют акты или микроакты, выполняя функцию номинации по отношению к используемым магическим практикам. Таким образом, анализ перформативных глаголов может стать основой не только для словаря заговорных глагольных лексических единиц, но и для словаря-тезауруса русских традиционных магических практик.

В пятом параграфе описывается концепция словаря перформативных глаголов в русских заговорах как практическое применение проведённого анализа, приведены примеры статей данного словаря, реализованного в электронном виде.

В заключении представлены результаты проведённого исследования. Заговорная перформативность предстаёт как функционально-семантическая полевая структура: при этом лексико-семантический и коммуникативный

критерии выступают как основа выделения, в то время как грамматический критерий обуславливает положение глагола внутри поля:

Коммуникативный критерий связывает воедино глагол с текстуальным уровнем, показывая взаимозависимость лексической и грамматической семантики глагола и коммуникативной ситуации заговора.

В работе доказано что эксплицитные перформативные глаголы находятся в центре данного поля на основании их семантических и грамматических характеристик. Полуперформативные глаголы были выделены на основании обоснованных нами критериев: каузативность, иллокутивные характеристики, адресованность. Дополнительно выделены квазиперформативы и квазиполуперформативы.

При анализе места перформативных глаголов в композиции заговора, обнаружено, что перформативные и полуперформативные глаголы (а также их квази- эквиваленты) служат для задания субфрейма внутри фрейма заговора. Данные глаголы обозначают не только речевые, но и другие магические акты.

Рассмотрение перформатива, с одной стороны, как высказывания, реализующегося в речи, и, с другой стороны, как лексической единицы показало, что перформатив реализуется на уровнях семантики, грамматики и прагматики. При этом важнейшим уровнем является уровень функционально-прагматический. С одной стороны, без соблюдения прагматических условий перформатив не будет реализован; с другой

стороны, иногда прагматических условий достаточно для реализации перформативов с любой семантикой в любых грамматических формах.

Перформативность заговора и магического ритуала сущностно и структурно отличается от перформативности обыденных речевых актов и социальных ритуалов. Перформативность заговора связана с магической функцией языка и фидеистическими представлениями о слове. Перформативные глаголы организуют вокруг себя заговор, репрезентируя и реализуя данную функцию. Установлено, что, с одной стороны, вера в силу заговорного слова обеспечивает переход высказывания/действия в мифопоэтический модус, в котором осуществима перформативность заговора; с другой стороны, сама сакральность заговорного акта придаёт высказыванию статус перформатива.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

По теме диссертационного исследования нами опубликованы следующие статьи в изданиях, включённых в **перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:**

1) Куликовская, Е. Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов [Электронный ресурс] / Е. Н. Куликовская // Мир русского слова. – 2019. – № 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov> (дата обращения: 13.06.2021).

2) Куликовская, Е. Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения / Е. Н. Куликовская // Рема. Rhema. – 2021. – № 1. – С. 30-55. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55.

3) Куликовская, Е. Н. Перформативность глаголов речевого действия в русских заговорах / Е. Н. Куликовская // Филология и культура. – 2019. – №3 (57). – С. 65-73.

4) Куликовская, Е. Н. К вопросу об иллокутивной силе перформативных глаголов в заговорах / Е. Н. Куликовская // Мир русского слова. – 2021. – №4. – С. 22-30.

5) Куликовская, Е. Н. «Слово как действие» в русских заговорах / Е. Н. Куликовская // Русская речь. – 2022. № 1 (в печати).

Положения диссертации отражены **также в следующих публикациях:**

6) Куликовская, Е. Н. К вопросу о «полуперформативных» глаголах в текстах русских заговоров / Е. Н. Куликовская // Art Logos. – 2021. – №2 (15). – С. 160-168.

7) Куликовская, Е. Н. Коммуникативная и лексико-семантическая перформативность в текстах русских заговоров / Е. Н. Куликовская // Материалы Международной научной конференции: «XXV Юбилейные Царскосельские чтения», Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2021 г. – СПб, 2021. – С. 354-356.

8) Куликовская, Е. Н. Русские заговоры в зеркале теории речевых актов / Е. Н. Куликовская / Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Институт языкознания Российской академии наук, Российский университет дружбы народов, 6-8 июня 2019 г. – М., 2019 – С. 199-200.

Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на следующих **конференциях:**

1) XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936-2019), Санкт-Петербургского государственного университета. СПб, 16-24 ноября 2020 г.

2) XIX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Институт языкознания Российской академии наук, Российский университет дружбы народов. М., 6-8 июня 2019 г.

3) XXV Юбилейные Царскосельские чтения. Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. СПб, 20-21 апреля 2021 г.

4) XXVI Международная научная конференция «Пушкинские чтения – 2021». Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. СПб, 5-6 июня 2021 г.

5) V Международная конференция «Русский язык в контексте национальной культуры». Российское общество преподавателей русского языка и литературы, Национальный Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Саранск, 14-16 октября 2021 г.

Подписано в печать 19.03.2022 г. Формат 84x108/32

Усл. печ. л. – 1,4 Уч.-изд. л. – 1,5

Заказ № ... Тираж 100 экз.

Отпечатано в

Адрес

тел.: